

ЭПИГРАФИКА И НУМИЗМАТИКА

Ф. В. Шелов-Коведяев

DE TITULIS CHERSONESI TAURICAE V*

14. О чаше для жертвенной крови (рис. 1–4: ГИАМЗХТ КП 210587)¹. В сентябре 2022 г. я кратко представил записи на случайной находке, сделанной Е. Я. Туровским² в южном пригороде Херсонесского городища летом 2015 г., – небольшом фрагменте внушительных размеров мраморной чаши [Шелов-Коведяев 2022а, с. 247–249], первые впечатления о которой были опубликованы мною в сборнике статей к 70-летию С. Ю. Монахова [Шелов-Коведяев 2022, с. 462–466: с полным описанием на с. 462]. Общая характеристика основной и прочих надписей, их шрифта и т. д. приведены здесь: [Шелов-Коведяев 2022а, с. 247–248].

Пора подробно издать этот неординарный многослойный памятник. Главная надпись подверглась преднамеренному уничтожению, а остальные были либо заодно травмированы указанными действиями, либо прочерчены настолько тонкими линиями, что блестящие фотографии К. В. Зыковой и Н. В. Днепровского³ не могут полностью их отразить. Поэтому прилагаю их прорисовку, прося простить меня за то, что я – неумелый рисовальщик. Но за соответствие того, что у меня получилось, различимому на обломке при разнонаправленном ярком освещении и сильном увеличении, я отвечаю.

Размеры дошедшей до наших дней части чаши явствуют из ее соотношения с положенной под ней на фотографиях линейкой. Все строки нанесены неровно. Основная (она гла-

сит – αἴματος τοῦ ἱερίου ΣΘΟ[.] σὺός⁴ «для крови жертвенной свиньи»: см. рис. 1 и 3) и те, что расположены выше нее, заметно ползут вниз слева направо. Родительный падеж αἴματος следует понимать как genitivus possessivus.

Буквы данной фразы вырезаны крупнее прочих на четверть и более. Высота знаков в ней – 4–5 мм, *ипсилон* и *йота* – чуть меньше (но в σὺός *ипсилон*, наоборот, значительно больше), соотношение *h* к *l* большинства *омикронов* – 3 на 5 мм, в члене τοῦ *омикрон* прочерчен ровным кружком (Ø 1,5 мм). Поскольку главная и нависающие над нею надписи были со временем сбиты, надо думать, что они возникли прежде остальных. Литера после ΣΘΟ не поддается идентификации и потому отмечена квадратными скобками. Само буквосочетание может быть сопоставлено с известной vox magica Σθουρ (см. PGM II; IV).

Выше надписи, определяющей первоначальное назначение чаши, намного мельче начертано ΣΑΧ[.]ΣΑΤΟΙ ΙΣΑΟΥΤ, то есть очевидная магическая запись (см. прорисовку, рис. 3). Для ΣΑΧ находится полная аналогия в PGM VII. С учетом же пропавшей после ΣΑΧ буквы возможно и чтение ΣΑΧ[Ρ] с нередко попадающей в магии метатезой звуков, в данном случае *хи* и *ро* (ср. σαρχ в SM 94, 34). ΣΑΤΟΙ, вероятно, соответствует ΣΑΤΟΡ – широко распространенной греческой транслитерации латинского эпитета Юпитера Sator («Создатель», эпikleза была переосмыслена в христианской магии [Lecouteux, p. 289–295]) с сохранившейся от *ро* ножкой. В таком случае Σατόρι надлежит читать как обычный в посвящениях дательный падеж – «Создателю» – в обрамлении магической абракадабры: ο σαχ[ρ](?) уже сказано, а σαουτ попадает в группу подобных voces magicae σαυτ~ и σαυ (PGM XLVIII cf. σαω PGM III).

Сразу над ΣΑΧ, фактически уже по ребру, заползая на внутреннюю поверхность чаши, читается:

ΑΤΟΤΟΥ[.]ΤΑΙΧΤΑΙΤΙΑΟΤΟΧΑΡΙΟΥΟΥΤΑΟΤΟΔΥΙΟΣ.

* Все предыдущие мои заметки об эпиграфике Херсонеса, Боспора и Ольвии теперь доступны в разделе «Публикации и исследования» моего личного кабинета на сайте НИУ ВШЭ по адресу: https://www.hse.ru/org/persons/132919?_r=idm139652870267600.

¹ Здесь и далее спешу принести сердечную благодарность директору ГИА МЗ «Херсонес Таврический» Е. А. Морозовой за разрешение работать с материалами, хранящимися в фондах музея, и главному хранителю музея Н. Л. Демиденко за прекрасно обеспеченные условия работы.

² Посвящаю материал памяти этого замечательного человека и друга.

³ Приношу им мою самую искреннюю благодарность.

⁴ Здесь и далее *курсивом* в греческом тексте отмечены неполно сохранившиеся графемы.

Из данных графем надежно вычлняются генитивы трех имен – хорошо известного в Причерноморье Атота (LGPN IV s.v.), Хария (IG II² 2332 II 159: Аттика) и нового Δῦς (ср. Δυαῖος и проч.: LGPN), перемежаемые абракадаброй и voces magicae. Для ΤΑΙΧ ср. τᾶωχ (PGM I). К ΤΑΙΤΙ см. τᾶτιουθ (PGM IV) и Τααίτις (PGM XXXIX) – ὄνομα μέγας («великое» = тайное, «настоящее» имя) Афродиты, использовавшееся в ворожбе. ΑΟΤΟ, возможно, вариант имени демона Αοθ/Αωτ/Αωθ (SM 32, 6; 48 К 43–44; 87, 10). То же можно сказать и о ΤΑΟΤΟ (ср. к этому и всему нижеследующему [Шелов-Коведяев 2021, с. 411–419 (с литературой)]). Наконец, ΤΑΙΤΙΑ может быть и повтором одного слога с перестановкой букв, что встречается в магических текстах постоянно. Сознательное повторение слогов при написании ЛИ (Χαρίου ου) – попадает в античном колдовстве rassim. Выходит: Ἀτότου[.]ΤΑΙΧΤΑΙΤΙΑΟΤΟΧαρίου ΟΥΤΑΟΤΟΔύιος – «от Атота, Хария, Дийя».

Поскольку все три рассмотренные до сих пор надписи старались сбить, не исключено, что они представляют один текстовый блок, свидетельствующий о существовании в Херсонесе культа Юпитера Создателя. А именно: «от Атота, Хария, Дийя Создателю для жертвенной крови свиньи (чаша)». Предшествовало ли название сосуда генитиву αἴματος или оно просто подразумевалось, сказать в нынешнем его состоянии невозможно. О принесении Зевсу и его римскому аналогу Юпитеру в жертву свиней см. соответствующие статьи в RE.

Неясно, был ли связан с изученными текстами идущий ниже их наискосок слева направо снизу вверх по внутренней поверхности вместилища четвертый текст (см. рис. 3). Он, вероятно, разворачивается в императив πρ[ο]σδοσώμ<ε>θ(α): «чтобы нам доплатили», «чтобы с нами поделились» – обычная (не обязательно в такой именно форме: cf. [Audollent 1904, Index, p. 482]) в магии формула просьбы. В принципе, таковая могла исходить и от поименованных выше ее донаторов. Но, хотя литеры ее и врезаны куда менее глубоко, чем в основной надписи, ее нынешнее состояние много лучше той. Поэтому вопрос для меня остается открытым. Графема же ~, заменяющая различные знаки и прочерченная тут вместо *эпсилона*, попадает во множество магических документов (см., например, PGM VII; XII). Столь же распространены в них и нарочно недописанные окончания. В данной ситуации – α.

Между этой и главной надписью по левому излому – как ниже по нему же и вдоль правого – могли находиться еще какие-то записи. Но мне разглядеть ничего не удалось.

Ниже *rho* в ιερίου прочерчена *альфа*: гласные, чье число в греческом языке равно семи, играли (см. [Шелов-Коведяев 2021, с. 413 (с литературой)]) самостоятельную роль в античной магии, ориентированной на неслучайность соотношения – семь нот, семь планет, семь звуков. Под промежутком между *сигмой* и *дельтой* в глагольной форме προσδοσώμεθα проставлена монограмма *дельты* и *ипсилона* (X) – сокращение слова δύναμις («сила, мощь») обычного в магических практиках: SM 6, 1; 22, 1; 41, 7–8; 45, 52; 53, 31; 54, 21; 59, 6).

По правому сколу видны (рис. 3): ниже завершающей *сигмы* в генитиве ουός – ΣΟ. *Сигме* в силу ее угловатости колдуны придавали особое значение; *омикрону*, как члену семерки гласных, представляющему к тому же замкнутый круг, – тоже [Шелов-Коведяев 2021, с. 413–414 (с литературой)]. То же относится и к *омега* и *омикрону* ниже ΣΟ. Кроме того, *омега* в ряде магических папирусов есть φύλαξ «страж» демиурга (PGM VII; XIII), а ΣΟ может быть версией начертания имени демона Σω (SM 13, 1; 16) либо стартом (без различия долготы гласного) слова σωτήρ «спаситель». Если уходящие в излом ниже ΩΟ литеры ΔΕ не принадлежат – логичному после вышестоящих ΣΟ в версии σωτήρ и ΩΟ – началу (с неразличением долготы [e]) лексемы «демиург», то о них можно сказать, что треугольник *дельты* задолго до христианства стал символом божества, особенно высшего (у греков *дельта* еще и совпадала с огласовкой одной из форм имени Зевса), а *эпсилон* – член все той же гептады гласных (об обеих буквах см. [Шелов-Коведяев 2021, там же]). Кроме того, *дельта* символизирует Афродиту в одном (22-м) из посвященных ей гимнов, а ключевое значение богини в античном мироощущении известно.

Под ΔΕ, с отступом от края скола, вырезана общеизвестная с языческих времен своей символикой начала и конца [там же, с. 417] монограмма *альфы* и *омеги* (рис. 3). Почти у самого треугольного завершения фрагмента – с небольшим наклоном вправо буква Z, символ Зевса или зигзага молнии (PGM III, IV, VII, X).

По левому излому – *эта*, *дельта* и (между и под ними: см. рис. 3) *омикрон*. О роли гласных и *дельты* в магии сказано довольно. Ни-

же названного буквосочетания – ΑΣΥ_ΤΑ (ἀσύστα(τος)? – апелляция к силам хаоса (LSJ s.v.), хтонизма?). Мю архаичного облика посередине фрагмента и такие же разбросанные по его полю *тетты* с точкой и наклонные *ню* (рис. 3) подтверждают, что архаическим шрифтам в магии тоже была отведена обособленная роль (см. [Шелов-Коведяев 2021, с. 411 слл.]). Помимо этого, *ню*, в силу его зигзагообразности, как и *дзете*, кудесники уделяли особое внимание (PGM III, IV, VII, X).

В самой вершине треугольника различимы ΣΟΑΥΤΑΥ (последний *ипсилон* в лигатуре с монограммой *тау* и *ипсилон* у правого скола: рис. 3), а ниже – ΤΟΥ. Ο ΣΟΑΥΤ см. выше. Кроме того, αυτ и αυταυ – самостоятельные блоки litterarum magicarum (SM 96 A; 96 E), а обратная лигатура *тау* и *ипсилон* широко распространена в магических папирусах (PGM III, IV, VII, X). Для надежной интерпретации ΤΟΥ недостает окружающего контекста.

Бортик чаши, чей внешний край обколот слева, испещрен магическими пометами (см. рис. 2 и 4). Под сколом видно буквосочетание ΔΟΝΑΝΑ. Обо всех этих элементах уже сказано. Остается добавить, что блок НА может занимать и отдельную позицию (SM 41, 6). За сколом читаются ΣΙΑΑΙΩΤΟ и буквально названные на концентрическую насечку – графема, напоминающая математический символ *пи*, *омикрон*, *альфа*, *сигма*, *омикрон*, *тау* и, отступя, *дзета*. Чтобы не повторяться, скажу только, что ΙΑ – один из греческих рефлексов еврейского тетраграмматона (заменителя имени Б-га) ΙΗΩΗ (PGM VII), ΑΙΩ – анаграмма другой его передачи Ἰάω (ср. [Шелов-Коведяев 2021, с. 413 (с литературой)]). Экзотические («пи») начертания букв играли ту же роль, что и архаические. ΣΟΤ может быть вариантом имени демона Σωθ (SM 42, 42). *Тау*, из-за своих прямых углов, привлекала внимание практикующих магию [Шелов-Коведяев 2021, там же].

С отступом влево ниже сигмы в ΣΟΤ проглядывает *омикрон*, а под ним с таким же сдвигом ΩΠΟΔ. И ниже, со сдвигом влево еще на две литеры, лигатура *омикрона* и *тау*, напоминающая известный египетский «крест» Анкх («ключ жизни»), курсивная *омега*, *эта* и *дельта*. Параллельно правому сколу, друг под другом – *альфа*, архаичное *пи* с короткой правой ножкой и *тау*. Повторяться о них не буду.

Чуть выше внутреннего края бортика между насечками (см. рис. 4) начертано ΝΟΥΝΟΙ, а через vacat ΑΝΟΑΜΟΝΝΗ, и снова через vacat – ли-

гатура *эты* и *ро*. ΝΟΥΝΟΙ входит в группу vocatum magicarum, широко представленных в магических текстах (PGM I, III, IV, VIII, XIII, XXI etc.). Буквосочетание близко ουυυυ, еще одному «истинному», «тайному» имени Афродиты (PGM IV). ΑΝΟ вполне подходит для версии умышленно усеченного на одну литеру имени демона ΑΝΟΧ/ΑΝΟΚ (Gager 1992, P. 64 no 11; PGM I, III, IV, VII, XIII, XXI): ср. Σαβαώ наряду с Σαβαώδ. Αμον – один из вариантов египетского Амона (ср. SM 72 II 28; PGM XII, XIII). Κ νη (NNE, NNH) см. PGM IV, XIII. Монограмма ΗΡ есть аббревиатура Геракла (SM). Появление этого персонажа в магии Причерноморья, да еще дорийского полиса, вполне объяснимо.

Посередине над внутренним краем бортика, под насечками, читаются *альфа*, монограмма *ипсилон* и *альфы*, открытый меандр и ΤΟΣΓΙ. Из нового отмечу параллели к ΑΥΑ в αυ, υα (SM 48 H 9; 48 G 5, 8). Отдельному блоку литер ΓΙ находятся аналогии в PGM VII. Различные формы меандра попадают в магических папирусах неоднократно.

Справа над внутренним краем виднеются *эта* и два *ню* – анаграмма NNH (см. выше). По самому же внутреннему ребру: ΑΙΧΟΑΑΡΑΑ-ΙΔΡΙΣ. ΑΙΧΟ – анаграмма vocis magicae αχαί (SM 42, 25). Буквосочетание ΑΑΡΑΑ входит в группу ему подобных, среди которых ближе всего – ара (PGM XIII), ααρ (PGM VII) и αααραχαρααα (αααρρααα перебита блоком αχα: PGM LXVII). ΙΔΡΙΣ = Ἰδρις «всезнающий, всевидящий» (о божестве: LSJ s.v.).

Судя по всему, у чаши было как минимум два периода жизни. Сначала она была принесена в дар, по-видимому, храму Юпитера Создателя (что дополняет информацию о религиозной жизни полиса в римское время) Ато-том, Харием и Дийем, защитившими свои имена рядом магических litterae и voces, и использовалась для сбора крови жертвенных свиней. А после того, как основная и сопутствующая ей надписи оказались по какой-то причине сбиты, она служила сугубо колдовским ритуалом, отчего ее поверхности и были покрыты разного рода магическими символами, выражениями и абракадаброй. Возможно, упомянутое в этой связи в одной из вторичных надписей всезнающее и всевидящее божество имеет коннотации с почитавшимся в римскую эпоху в самых разных регионах античной ойкумены (на Боспоре, Балканах, в Малой Азии, Северо-Западном Причерноморье, – см. Bull. ép.) богом высочайшим всезнающим.

15. О почестях сыновьям Котиса (рис. 5: ГИА МЗ ХТ КП 1/37349). Сентябрем 2021 г. на третьей конференции АРХОТ я тезисно изложил [Шелов-Коведяев 2021а, с. 359–362] свою реконструкцию содержания одного мрамора, опубликованного И. А. Макаровым [2007, с. 62–69]. В ходе состоявшегося обсуждения я обещал расширить и уточнить мою аргументацию.

Первоиздатель счел частично сохранившуюся надпись остатками посвящения богам внешнему за одного из царьков Фракии – сына Реметалка Котиса VIII – неким лицом, от чьего ЛИ сохранилось одно окончание, а от патронимика, наоборот, начальный слог Γυμν- [Макаров 2007, с. 66–69]. Буквально воспроизвожу мнение публикатора:

[ὕπερ βασιλέ]ος Κόττιος Ῥο[μητάλκα---]
[-----]εινος Γυμν[---ἀνέθηκεν---]
[-----θε]οῖς ἐ[π]η[κόοις---]

«за царя Котиса, сына Реметалка, (---)ин, сын Гимн(---, посвятил---) внешнему богам (---)».

Внутренние размеры фрагмента и шрифта (см. [Макаров 2007, с. 62–63; Шелов-Коведяев 2021а, с. 359–360]) заставляют усомниться в том, что текст мог ограничиваться тремя предложенными И. А. Макаровым строчками. Возможность же продолжения списка посвященных ниже исключается самой логикой восстановления издателя.

Аутопсия артефакта, проведенная мною летом 2020 г., дала следующий результат. В стк. 1 после ΡΟ у излома виден обрывок вертикали. Точно такой же заметен в начале стк. 2 (под правой половиной омикрона в окончании ΟΣ стк. 1). За ним следуют *эпсилон*, *йота*, лигатура *альфы* и *ню*, *омикрон*, *сигма* и через почти двойной (5 мм против обычных между литерами 3 мм) интервал – Γυμν и кончик нижнего апекса от косой линии. В стк. 3 – часть *омикрона* (ниже *эпсилон* стк. 2), *йота*, *сигма*, *эпсилон*, частично сохранившаяся вертикаль, *эта* и верхний уголок следующей за ней буквы. От стк. 4 просматриваются лишь две верхние горизонталы под *сигмой* и *эпсилоном* стк. 3 соответственно. Все вместе:

ΟΣΚΟΤΤΥΟΣΡΟΙ
ΙΕΙΑΝΟΣ ΓΥΜΝ/
ΟΙΣΕΛΗΓ

В начале стк. 1 И. А. Макаров верно усмотрел окончание титула и личное имя царя Котиса VIII. Вместе с тем уточненный размер лакун (см. [Шелов-Коведяев 2021а, с. 359]) не позволяет

ограничивать дополнение старта первой строки только оборотом [ὕπερ βασιλέ]ος, что побуждает искать альтернативные варианты реконструкции.

Фракийский династ Котис VIII встречается в письменных источниках не только в связи с событиями на северных Балканах и в Причерноморье. Фаворит Августа, он и потом пользовался почетом: он фигурирует в качестве одного из архонтов-эпонимов в Афинах 18-го года от Р. Х. [Meritt, Trail 1974, no. 304.9]. Дети его, как следует из постановления Кизика в их честь (Syll.³ 798.6), воспитывались вместе с будущим императором Калигулой (Гаем (Юлием) Цезарем Августом Германиком [Бикерман 1975, с. 236]), в правление которого они были отличены указанной псефизмой.

Кизикский декрет и дает правильное направление поискам восстановления надписи из Херсонеса. Сообщив в начале своего веле-речивого восхваления сыновей Котиса о том, что другие восстановленные Калигулой в своих правах, отнятых у них ранее цезарем Тиберием, вассальные Риму царьки не смогли в ответ достойно отблагодарить своего благодетеля (Syll.³ 798. 5–6: βασιλέων κἂν πάνυ ἐπινοῶσιν εἰς εὐχαριστίαν τηλικούτου θεοῦ εὐρεῖν ἴσας ἀμοιβὰς οἷς εὐεργήτηνται μὴ δυναμένων), народ Кизика подробно описывает, какой способ выразить свою признательность нашли как раз адресаты постановления. Сообщается, что купно со своею матерью Антонией Трифеной (дочерью друга римлян монарха Понтийского и Боспорского царств Полемона I, дружественного и Херсонесу) они учредили игры в честь Друзиллы, любимейшей сестры императора: τοὺς Κόττιος δὲ παῖδας Ῥοιμητάλκην καὶ Πολέμωνα καὶ Κόττιν συντρόφους καὶ ἐταίρους ἑαυτῶι γεγο|νόνας (acc. dupl.) <...> οἱ [δὲ] <...> μεγάλων οὖν γεγονότες μείζονες | <...> συνιερουργήσον|τες καὶ συνιερτάσοντες τῆι μητρὶ ἐπιτελούση τοὺς τῆς θεᾶς νέας Ἀφροδείτης Δρουσίλλης ἀγῶνας ... δεδόχθαι τῶι δήμωι ἐπηνῆσθαι μὲν τοὺς βασιλεῖς Ῥοιμητάλκην καὶ Πολέμωνα καὶ Κόττιν καὶ τὴν μητέρα αὐτῶν Τρύφαιναν (Syll.³ 798. 6–7, 10–12, 18–19).

Из данного текста следует, что сыновья Котиса VIII не скупались на выражение своих признательности и преданности Калигуле и воплощали их в своей филэллинской программе, точно распространявшейся на Кизик. Логично предположить, что аналогичные действия были реализованы ими и в Херсонесе. Тем более что таврический полис, найдя-

шийся под протекторатом Рима (которому те были обязаны своим статусом), не был им чужим и по деятельности их деда Полемона, и по тесному переплетению судеб фракийских династий в рассматриваемое время не только с Боспором, но и с Херсонесом [Виноградов

1992, с. 130–132; Макаров 2007, с. 67–68]. В таком случае естественна была бы постановка их статуи, например, в гимнасии (об установке изображений попечителей в школах см., к примеру, Bull. ép. 61, 539). Значит, изучаемый фрагмент допускает такую реконструкцию:

- 1 [τοὺς παῖδας βασιλέ]ος Κόττιος Ροι[μητάλκαν καὶ Πολέμωνα καὶ Κόττυν ἐπαίνε]-
[σαι καὶ θέμεν ἐν +8]νειᾶνος γυμνα[σίωι τὰς ἰκόνας αὐτῶν ἵνα εὐρεῖν τὰν ἀμοι]-
3 [βὰν ἀξίαν τῶν χαρίτων]οῖς εὐη(ρ)γ[έτηνται ἀμές -----]
[------] [------]

Перевод: «сыновей царя Котиса – Реметалка и Полемона и Котиса восхва/лить и поставить в такого-то, сына -ниона гимнасии их статуи, дабы найти ответ, достойный милостей, которыми были благодетельствованы мы ...»¹.

Обоснование длины строки примерно в 56 букв и критический аппарат см. [Шелов-Коведяев 2021а, с. 360–361]. Сейчас же я уточню лишь несколько моментов. Во-первых, гимнасии могли называться в честь лиц, давших средства на их обустройство [Meritt, Trail 1974, no. 304.8]. Во-вторых, несмотря на явный гипердоризм в окончании патронимика донатора гимнасия (-νειᾶνος = -νίωνος: в мегарском диалекте, к которому относилось и херсонесское наречие, не было перехода ω>ᾱ: см. [Bechtel 1923, Bd. 2, S. 165 ff.; Buck 1928, P. 165–166; Thumb, Kiekers 1932, S. 137–139]), я отказываюсь теперь от них в стк. 3, поскольку их наличие там недоказуемо. В-третьих, исходя из надежного эффекта данного процесса в стк. 2, необходимо уточнить хронологию проникновения гипердоризмов в официальные документы Херсонесского полиса: до сих пор они попадались не раньше конца I в. от Р.Х., но теперь ясно, что они проявляются намного ранее (ср. очерк 18). В-четвертых, существительное ἡ ἀμοιβή (ἀμοιβή), формы от глагола ἀμοιβάζω и наречие ἀμοιβαίως не раз фиксируются в херсонесских документах (см. IOSPE III 23. 7; 25. 17; 28. 2; 34. 30 и т.д.). В-пятых, судя по тому, что текст на камне начинается с формул, следующих за второй санкцией, он размещался на двух плитах (что не уникально для эпитафических памятников, начиная с эпохи эллинизма, – см., например, Syll.³ и OGIS). Сама же резолютивная часть после ἐπαίνεσαι, бывала, как показывает опыт (см. ту же Syll.³ 798. 18–25 при длине строки там до 80 литер и более), еще очень многослов-

ной. Поэтому она могла заполнить поле весьма, судя по параметрам (см. [Шелов-Коведяев 2021а, с. 359]) его малой части, большого херсонесского мрамора все целиком.

16. О письме на остраконе, упоминающем θύλακος (рис. 6: ГИА МЗ ХТ КП 4/37349). В 2009 г. И. А. Макаров ввел в оборот [Макаров 2009, с. 49–54] примечательный документ, который он рассматривает как на тот момент *единственное* (это утверждение небесспорно – см. иные взгляды [там же, прим. 2]) несомненное частное деловое письмо [там же, с. 50]. Он прочитал его следующим образом:

Τιμοσθένη
χαίρεν τὸν
σθύνλακον
λύσον καὶ λα]-
5 βε τὸ ἀργύρι
ἐκ τῶ θυλάκο
++A+N +

Перевод: «Здравствуй, Тимосфен. Открой мешок и возьми из мешка деньги».

И. А. Макаров исходит из того, что в надписи строго соблюдается силлабический перенос (что для граффито вовсе не обязательно), а потому предлагает считать *σθύνλακον стк. 3 вариантом написания θύλακον стк. 6. Он полагает, что появление σθ вместо θ в анлауте может быть результатом или сохранения беглого [s], или, *предпочтительно*, спирализации θ с экспрессивной диттографией [там же, с. 51–52], где σθ = [ss]. Появление же в корне слова -vλ- объясняет ссылкой на то, что их сочетание «встречается в греческом только на стыке морфем», например, при соединении основы с «συν, εν, παν, παλιν» [там же, с. 52], что не подходит для рассматриваемого случая. Не приведены примеры спирализации θ в анлауте. Надо отдать должное И. А. Макарову: он признает шаткость своей конструкции.

Все это заставляет искать иные варианты прочтения граффито. Прежде всего, ничто не

¹ В русском переводе курсивом обозначается восстанавливаемый текст.

вынуждает видеть в четвертой литере стк. 3 исключительно *v*: все остальные *ню* написаны в тексте совершенно иначе. Куда ближе графема *κ* *λ* с укороченной правой линией, сходство каковой с *v* придает дефект формовки (ср. похожий изъян возле *лямбды* в стк. 6) стенки сосуда, из которой изготовлен остракон. Если же не принуждать себя к силлабическому членению надписи, то предшествующие ΘΥ стк. 3 четыре графемы в сткк. 2–3 складываются в асс. pl. члена: τόνς. Выделенный значительными *vasat* с обеих сторон знак Ε, существенно превосходящий своими размерами соседние буквы, подходит к написанию цифры «5» в критской эпиграфике [Jeffery 1963, P. 309, 313–315; Guarducci 1967, p. 181–182]. Вслед за стк. 6 читаются ΣΤΑΤΗΡΑ в стк. 7 и ΝΟΥΜΕΝ в стк. 8.

В совокупности выходит:

Τιμοσθένη
 2 χάϊρεν· τόν-
 ς θυλλάκον(ς)
 4 λῦσον καὶ λα-
 βὲ Ε ἀργυρί(ῶ)
 6 ἐκ τῷ θυλάκῳ
 στατήρα[νς]
 8 Νουμεν[ίῳ]

Перевод: «Тимосфену здравствовать. Распакуй узлы и достань из кошелья 5 статеров серебра Нумения».

Винительные падежи τόνς и θυλλάκονς (второй с экспрессивной диттографией [I]) обнаруживают критское происхождение автора письма. Важно, что надписи Гортины дают и окончание датива *s*-основ на η, и написание в финале инфинитива *εν* вместо *ειν*, и окончание *gen. sg.* 2-го склонения на ῶ, и переход исконных *εο* и *ευ* в *ου*, и *ε* в качестве η [Bechtel 1923. Bd. 2, S. 660–663, 675–678, 711–712; Buck 1928, P. 136–137; Thumb, Kiekers 1932, S. 156, 161]. К сокращению θυλλάκονς стк. 3 ср. усечение ἀργυρί(ῶ) в стк. 5. Слово θύλακος полисемично (LSJ s.v.): оно может обозначать и обычный мешок (куль, узел из багажа), и суму (сумку), и кошель (ср. [Макаров 2009, с. 53–54]). Поэтому к разбору поклажи писавший употребил мн. ч. лексемы, а когда дело дошло до конкретной денежной суммы, потребной быть взятой из кошелья, – применил единственное.

И. А. Макаров датирует письмо от 375 до 325 г. до Р.Х., исходя из того, что (α) текст написан на стенке синопской амфоры [Мака-

ров 2009, с. 49–50], кои появляются в Северном Причерноморье в конце первой четверти IV в. до Р.Х., и (б) [ε̄] и [ῶ] начинают передаваться в лапидарных надписях Херсонеса через диграфы *ει* и *ου* с последней четверти того же столетия [там же, с. 51]. Но широко раскрытая *сигма*, *ню* с укороченной и отогнутой вправо правой вертикалью, *каппа* с короткими усиками, *альфа* с косой перекладиной, широкий *ипсилон* на высокой ножке, склоненный вправо *эпсилон* со скошенными горизонтальными, *лямбда* с укороченным в большинстве случаев правым скатом – указывают на более раннее время.

Согласно устной консультации² С. Ю. Монахова, характер теста глины не исключает ее гераклеийского происхождения. Продукция же Гераклеи стала достигать северных берегов Понта в последней четверти V в. до Р.Х., а Херсонеса, ее дочернего выселка, возможно, и чуть раньше.

Хотя слава Гортины как торгового центра времен критской талассократии к середине I тыс. до Р.Х. сильно поблекла, этот город продолжал находиться в сношениях с другими полисами, прежде всего, – дорийскими [Perlman 2004, p. 1165]. Поэтому появление первого письма гортинца в пусть далеком, но родственном ему Херсонесе вполне закономерно.

17. О значении термина ΣΑΣΤΗΡ в присяге херсонеситов. Уже давно Ю. Г. Виноградов и А. Н. Щеглов сочли попытку истолковать данное слово сродни проблеме *perpetuum mobile* [Виноградов, Щеглов 1990, с. 347, прим. 179]. Но оно по-прежнему продолжает притягивать к себе внимание (см., например, [Gavrilov 1998, S. 60–72; Русяева, Русяева 1999, с. 83–96; Русяева 2010, с. 200–208; Зедгенидзе 2022, с. 57–61]. Не избежал соблазна и И. А. Макаров [Макаров 2009, с. 54–60], поддавшись ему во второй части рассмотренной выше статьи. Не очень удачно вручив пальму первенства в части подробной библиографии вопроса одному А. К. Гаврилову [там же, с. 55, прим. 21] (А. С. Русяева привела не менее емкий и более краткий обзор мнений – см. [Русяева, Русяева 1999, с. 83–86; ср. Русяева 2010, с. 200–208]), И. А. Макаров отвергает понимание термина и первым, и второй.

По чести надо признать, что А. К. Гаврилов, отдавая предпочтение ΣΑΣΤΗΡ = ζωστήρ: (α) в

² Приношу Сергею Юрьевичу искреннюю благодарность за добрый совет.

сотерическом смысле «пояс Девы», защитницы полиса (*mutatis mutandis* – аналог Покрова Богородицы, на Который уповают православные в бедах и бранях), либо (б) «боевой дух» воинов, приносящих присягу общине и стоящих на страже независимости города [Gavrilov 1998, S. 67–70], не считает свои суждения доказанными («*einen gewissen Grad an Plausibilität zu gestehen will*» [Gavrilov 1998, S. 70]). А точка зрения А. С. Русяевой – ΣΑΣΤΗΡ имеет географическое значение [Русяева, Русяева 1999, с. 86–87, 92] – заслуживала бы более глубокого осмысления, но не краткого [Макаров 2009, с. 56–57] отвода на основании возникающих на ее пути лингвистических затруднений [там же, с. 56], до Макарова уже перечисленных Гавриловым [Gavrilov 1998, S. 66–67].

В своей интерпретации ΣΑΣΤΗΡ как полисной казны И. А. Макаров ([Макаров 2009, с. 59; ср. Зедгенидзе 2022, с. 58–60]) воспроизводит известную гипотезу В. Д. Блаватского [Блаватский 1954, с. 237], полагавшего, что «в слове σαστήρ можно видеть наименование ... (*среди прочего*. – ФШК) казны» (ср. безразличную реакцию Луи Робера в Bull. ép. 55, 164). В филологической аргументации [Макаров 2009, с. 58] он ретранслирует отсылку 130-летней давности А. Скиасом [Σκιάς 1892, σ. 256] к глагольной форме σάζω, параллельной общегреческой σάσσω/σάττω. Тот считал, что σάζω мог дать σαστήρ, как φράζω – φραστήρ, κλύζω – κлуστήρ κтл. [Σκιάς 1892, σ. 257; ср. Макаров 2009, с. 59]. Беда в том, что σάζω – не имеющий отношения к Херсонесу регионализм, и потому необъяснимо, как гипотетически связанный с ним уникальный σαστήρ (?), а не от регулярной формы σάσσω правильно образованный сакτήρ (ср. [Макаров 2009, с. 57]) мог служить термином для херсонесской казны. Не говоря о том, что публичные финансы могли обозначаться понятием τὰ κοινὰ (например, IG II² 1174. 1), отказ от которого херсонеситов тоже следовало бы обосновать.

В общем, статья И. А. Макарова, заслужившая похвалу покойного Александру Аврама «Une interpretation que je trouve séduisante sinon décisive» (Bull. ép. 2010, 462), увы, сгух не разрешила. В этой связи имеет смысл обратиться пристальное внимание на вышедшую тому 75 лет назад публикацию тонкого эллиниста и знатока северочерноморской эпиграфики А. С. Коцевалова [Kosevalov 1948, S. 169–172], лишь вскользь упомянутую И. А. Мака-

ровым (он отметил только, что А. С. Коцевалов считал ΣΑΣΤΗΡ топонимом, возможно, названием мыса, по аналогии с аттическим Ζωστήρ [Макаров 2009, с. 56–57]).

Но аргументация А. С. Коцевалова намного глубже и шире. Он не фокусируется лишь на одном пассаже с ΣΑΣΤΗΡ, но обращает внимание на то, что формула διαφυλαξῶ τῷ δάμῳ § 6 ранее возникает в § 2, и потому оба параграфа нельзя рассматривать в отрыве друг от друга (ср. [Русяева, Русяева 1999, с. 86–87, 92]). Более того, διαφυλαξῶ в § 2 связан не просто с географическими точками, но как раз с объектами, обеспечивавшими оборону владений херсонесского полиса – самим Херсонесом, Керкинитидой, Калос Лименом, другими укреплениями (τὰ τεῖχη). Ясно, что и в § 6 глагол должен указывать на что-то подобное [Kosevalov 1948, S. 171]. Тем более, что в эпиграфике в целом διαφυλάσσω/-ττω регулярно соотносится с укреплениями: см., например, SEG XXVI (1979) 1306.48: διαφυλαξῶ [τ]ὸ χωρῖον τῆι πόλει, где χωρῖον – форт, прикрывающий участок границы полисной хоры (ср. [Maier 1959, 25. 5; 75. 12]; Bull. ép. 42, 139; 50, 173).

Интуиция, широта и неангажированность подхода А. С. Коцевалова подкупает. Упомянув [Kosevalov 1948, S. 169] сближение Максом Фасмером (см. [Vasmer 1926, S. 246]: от которого нельзя отмахиваться и сто лет спустя) ΣΑΣΤΗΡ с авест. *sāstar* «Machthaber», он не опускается до калькирования, но подчеркивает, что и суффикс -τηρ, и корень σασ- широко представлены в топонимике эллинской ойкумены [Kosevalov 1948, S. 171]. Отсюда перекличка ΣΑΣΤΗΡ – *sāstar* должна рассматриваться не на формальном (заимствование, которое выглядит слишком упрощенно), а более глубоком уровне разных рефлексов индоевропейского наследия. Недаром суждения А. С. Коцевалова удостоились ярких комплиментов от скупого на них Луи Робера и оттого неизмеримо более весомых, чем оценки А. Аврама (Bull. ép. 50, 151): «K. suppose ingénieusement, et même de façon séduisante, que c'est un nom de lieu spécialement important pour la ville, τὸν Σαστήρα».

Солидарность Луи Робера с Коцеваловым позволяет думать, что Σαστήρ/Σαστήρ, был особо важным укрепленным (не обязательно мысом и, конечно, не акрополем: этот так и был бы назван: см. IOSPE I² 352, 51–52) пунктом. Пунктом настолько главенствующим (оттуда и коннотация с *sāstar*), что он был упомянут

отдельно не только от Керкинитиды, Калос Лимена и τὰ τεῖχη, но и самого Херсонеса.

Почему не доминирующая над ключевым подходом к полису цитадель: Сапун-гора или Таш-Куле («каменная крепость»), где открыты укрепления времени Присяги [Тюрин, Филиппенко 2022, с. 200, 205, 208]? Либо ultimum refugium, *потайное* убежище на крайний случай, или ловушка для врага, по-военному – *секрет*: Инкерман (его пещеры были обжиты еще во II тыс. до Р. Х.)? Не потому ли вплотную к ΣΑΣΤΗΡ разместилось и обязательство не выдавать ни эллину, ни варвару тайн (τὰ ἀπόρρητα)?

Кстати, Инкерман может входить и в первую группу: только в турецком языке in-kerman значит «пещерная крепость». А в татарском иң-кормән/кермен допускает значение «мощная крепость», что может быть тюркской калькой с греческого топонима ΣΑΣΤΗΡ (есть варианты его понимания, которые я рассмотрю отдельно), указывавшего на гос-

подствующее положение *сторожевой твердыни* над ущельем / проходом / дорогой (ср. *скр.* śāstār-, *авест.* sāstar- «господин, повелитель» [Mayrhofer 1976, S. 330 s.v. śāsti-]): инкерманское плато действительно нависает над одним из путей к Херсонесу. Поскольку же памятники IV–III вв. до Р. Х. открыты на территории современного города, они могут обнаружиться и на контролирующей его возвышенности, – при продолжении раскопок в районе византийской крепости Каламита (ставшей при турках Инкерманом): укрепления возводились, как правило, на месте существовавших ранее.

18. О почестях Гаю Антиоху (рис. 7: ГИА МЗ ХТ КП 83/37617). В 2015 г. И. А. Макаров [Макаров 2015, с. 210–222] опубликовал очень интересный документ, найденный на пару лет ранее С. Г. Рыжовым в раскопках насыпи одного из подвалов квартала IX А. Он увидел в памятнике следующее [Макаров 2015, с. 211–212]:

ἀγαθαὶ τύχαι·

πρόεδρ[οι βο]υλᾶς εἶπαν· ἐπειδὴ Γάιος Ἀντιόχου
 Στεκτ[ορηνός] ὁ καὶ Ἀμαστριανὸς κοσμίαν καὶ
 πρέπου[σα]ν τὰν ἐπιδαμίαν τᾶς πόλειος ἀμῶ[v]
 πεποίη[ται ἀξ]ίως ἄ[πα]σι τοῖς πολεῖταις καὶ κο[ινᾶ]
 καὶ κατ' [ίδιαν ἐκάστ]ῳ προσφερόμενος A+[- c.3 -]
 μενο+[- c.3 -]OI+[- c.3 - τᾶ]ς ἰδίας ἀγωγᾶς τᾶ πόλε[ι ἀ]
 μῶν +[- c.3 -]IN[- c.5 -] εὐσχήμονας ἐν κινδ[ύνω]
 ON[- c.8 -]ΣA+[- c.4 -]Σ τινὰς ἀποκατέστασ[ε - c.3 -]
 Θ++[- c.7 -]E+[- c.4 -] +ς σπουδαῖον καὶ εὖν[ουν πε]-
 ρὶ τὰ[v π]όλ[iv ἀ]μῶν [τ]ειμῶν καὶ στεφάνων [- c.5 -]
 TA++ΣE[- c.6 -] πιστωθεὶς δύνασθα[ι - - - χρείας]
 παρασχέσ[θ]αι παρα[κ]λαθεὶς ὑπὸ τ[οῦ δᾶ]μου (vel sim.)]
 [- - -]EΣ[- - - -] ἀναδέξασθαι [- - -]
 [- - - - - - - - -]ΥΠ[- - -]

Перевод: «В добрый час. Проедры Совета внесли предложение: поскольку Гай, сын Антиоха, стект[ориец], а также амастриец, посетив наш город, провел время должным и подобающим образом, показывая достойное отношение ко всем гражданам, как в целом, так и к [каждому в отдельности - - - (и являя?)] нашему городу безупречные [во всех обстоятельствах? - - -] своего образа действий, во время опасности [- - -] восстановил некоторые [- - - будучи?] усердным и преданным нашему городу [- - - он был удостоен] почестей и венков [- - -]; когда народ обратился к нему с призывом дать согласие [- - -] не сомневаясь, что он (scil. Гай, сын Антиоха) может оказать [помощь - - -]».

Проведенная мною августом 2020 г. аутопсия камня позволила внести некоторые уточнения в чтение первоиздателя. Часть коррективов имеет технический характер, другая – открывает возможность развития понимания текста. В стк. 1 (не считая таковой *bonae fortunae apprecatio* во фронтоне мрамора) после *po* в должности проедров виден *омикрон*, за ним идут лакуна в 2 м.б. и *ΟΥΛΑΣ*. В стк. 2 следом за вторым *tau* – *омикрон* и после лакуны в 1 букву переключена *эты* и *ΝΟΣ*, в конце же – верхнее окончание *йоты*. В стк. 3 за *ΠΕΠΟΥ* – лакуна в 1 литеру и *ΑΝΤΑΝ*, в финале – левая ножка и начало переключины *ню*. В стк. 4 после *ΠΕΠΟΥΝ*: вертикаль, части *альфы* и другой вер-

тикали, снова вертикаль и нарушенная *альфа*, *ню*, *альфа*, частично *кси*, *йота*, фрагмент *омеги* и ΣΑΡΑΣΙ. В стк. 5 ΚΑΙΚΑΤ сопровождают *йота*, основание дельты, ΑΝΘΕ, вертикаль и ΑΣΤΩ, в конце за ΑΡ – нижний апекс и лакуна в ≈ 2 м.б. В стк. 6: ΜΕΝΟΣ, лакуна в три буквы, ΟΙΑΝ, лакуна в одну литеру и ΕΤΑΣΙΔΙΑΣΑΓΩΓΑΣΤΑΠΟΛΕ; за линией излома, по соотношению со стк. 5, могло пропасть до трех знаков. В стк. 7: ΜΩΝΥ, через лакуну в 5 м.б. ΡΙΝΩ, и после лакуны в 1 букву – ΑΝ. В стк. 8: ΟΙΣ, основание дельты, 1 м.б. в лакуне, снова база дельты и такая же лакуна, а следом ΣΑΜΕ и через лакуну в две литеры Σ. В стк. 9: ΘΑΝΟΝ, лакуна в одну букву, Α, лакуна в 3 м.б., Ε, две далеко отстоящие друг от друга вертикали, Ρ, одна литера в лакуне, ΟΥΣ. В начале

стк. 10 за ΡΙΤΑ: ΜΠΟΛΙΝ и наклонная черта. В стк. 11 после ΤΑ: Ε, верхний обрывок вертикали, ΩΣΕ, лакуна в 1 м.б., верхняя горизонталь, лакуна до 3-х литер, Ν, а за Α у скола – верхняя часть вертикали. В стк. 12: *тета* и *каппа*, забранные И. А. Макаровым в квадратные скобки. В стк. 13 (ниже второй *альфы* в стк. 12): ΣΟΕΣ, лакуна в 1 м.б., Ε, верхняя горизонталь и нижняя часть вертикали, а по излому – левая половина *мю*. От сткк. 14–15 осталось (см. реконструкцию) всего ничего.

В целом, несмотря на то что левая половина надписи серьезно пострадала в середине, а правая, начиная со стк. 4, травмирована все увеличивающимся сколом (см. рис. 7), дошел вполне связный текст:

ΑΓΑΘΑΪ ΤΥΧΑΙ

- 1 πρόεδρο[ι β]ουλᾶς εἶπαν· ἐπειδὴ Γάϊος Ἀντιόχου
Στεκτο[ρ]ηγὸς ὁ καὶ Ἀμαστριανὸς κοσμίαν καὶ
πρέπου[σ]αν τὰν ἐπιδαμίαν τᾶς πόλειος ἀμῶν
5 πεποίηται τὰν ἀξίως ἅπασι τοῖς πολεῖταις καὶ κο[ινᾶ]
καὶ κατ'ίδ[ι]αν θ'ἐκάστῳ προσφερόμενος, ἀρξ[ί]-
μενος [εὐν]οιαν [τ]ε τᾶς ἰδίας ἀγωγᾶς τᾶ πόλε[ι θ'ἄ]-
μῶν ὑ[γείας χά]ριν ὡ[ς] ἂν εὐσχημόνας, ἐν κινδ[ύν]-
οις δ[ε] δ[ε]σάμε[νο]ς τινὰς ἀποκατέστασ[ε ἀπο]-
10 θανόν[τ]α[ς ἐπ] <ι> πύρ[γ]ους, σπουδαῖον καὶ εὖν[ου]ν πε]-
ρι τὰν πόλιν ἀ[μῶν τ]ειμῶν καὶ στεφάνων [ὁ δᾶμος ἀν]-
τᾶξίωσ[ε]ν, π[άλι]ν πιστωθεὶς δύνασθαι [δὲ τὰς χρείας]
παρασχέσθαι παρακλαθεὶς ὑπὸ τοῦ δάμου -- ca 6 ---]
[.....]ΣΟ ἐς [ἀ]εὶ τι(?) ἀναδέξασθαι Μ[- --- ca 13 ---]
[.....]^ [..]-ΣΕ^ [..]' ὑπὸ(?) [- --- ca 18-20 ---]
15 [.....]Ν[- --- ca 24 ---]

Apparatus criticus. Лакуны в концах строк высчитаны, исходя из их объема во в целом сохранившихся сткк. 4–6. Судя по сткк. 6 и 10, силлабический перенос соблюдается в памятнике не строго, поэтому и его отсутствие в стк. 7 не должно смущать. Стк. 6: ἀγωγή предстает в эпиграфике в самых разных значениях: от присутствия перед магистратом (Bull. ép. 65, 300) или доставки к нему какого-либо лица (Bull. ép. 42, 130) до военной кампании (Bull. ép. 46/47, 226; 50, 216) и акведука (Bull. ép. 42, 160; 76, 178); поскольку ниже речь идет о здоровье (ср. с тем, как в Теносе его обеспечение для гражданского коллектива ставится, наряду с миром и согласием в обществе, в заслугу магистратам: IG XII 5, 903; IG XII Suppl. 313), я выбираю «снабжение водой», которое и поныне является насущной проблемой в Крыму и Севастополе; не исключая, что Гай Антиохов (см. ἰδίας ἀγωγᾶς) на свои средства провел нитку водовода. По контексту сткк. 6–7 ΕΥΣΧΗΜΟΝΑΣ стк. 7 должно быть но-

вым наречием εὐσχημόνως, написанным с гипердоризмом в конечном слоге; поскольку член ставится в надписи далеко не всегда, он отсутствует и перед существительным ὑ[γείας]; ὑγεία (LSJ s.v.) может относиться и к «физическому здоровью коллектива». В стк. 8 δεδεσάμενος – part. aor. pass. от глагола δεδεῖσθαι; глагол ἀποκαθίστημι применен в уже встречавшемся в эпиграфике Херсонеса (НЭПХ I 5. 21–22) значении «возвращать, доставлять» (LSJ s.v.; ср. [Макаров 2015, с. 217]). В стк. 9 в предлоге ἐπί вместо *йоты* ошибочно повторен *эpsilon*; гапакс вроде ἐξετύρουσ невозможен, так как в надписях для выражения такого смысла применяется оборот ὁ (et sim.) ἔξω (см., например [Maier 1959, 10.97]); πύργοι – обозначение укреплений за пределами собственно полиса (см. [Maier 1959, 12. 13; 65. 5, 7; 71. 7, 9; 76. 18]), прикрывавших участки приграничных территорий, особенно сельскохозяйственного назначения [Robert 1970, p. 598–599 et note 8], иногда (как в Херсонесе) загородные

укрепленные фермы и поместья знати (Bull. ép. 50, 173; 68, 585; 74, 675). В сткк. 9–11 пропущено указательное местоимение, отсылающее к адресату декрета: автор текста счел достаточными дополнениями аккузативы комплиментарных эпитетов $\sigma\pi\upsilon\delta\alpha\iota\omicron\nu$ καὶ $\epsilon\ddot{\upsilon}\nu\omicron\upsilon\nu$. В стк. 11 после $\pi\acute{\alpha}\lambda\iota\nu$ необходимо $\delta\grave{\epsilon}$; поскольку частица отсутствует сразу за наречием, помещаю ее в лауну.

Перевод: «В добрый час! Проедры Совета внесли предложение. Поскольку Гай Антиохос, стекторинец и амастриец, сделал свое пребывание благоприятным и достойным нашего полиса, подобающе проявляя себя по отношению к гражданам и в целом, и к каждому в отдельности, начав свое расположение как можно более уместно с поставки воды полису ради его здоровья, в опасностях подвергшись риску, вывез некоторых погибших на внешних укреплениях, (за что его) прилежного и благорасположенного к полису почестями и венками *народ* отблагодарил, и снова будучи призван *народом* и убежден, что он сможет предоставить *средства* ... навсгда (?) принять на себя и т.д.».

Элегантная, в общем, *laudatio* Гая Антиохова не лишена некоторых шероховатостей. Зато, помимо новой лексической формы и удревнения появления в официальном языке Херсонеса гипердоризмов, дарит важную историческую информацию. Его внешние форты назывались не только $\tau\acute{\alpha}$ $\tau\epsilon\acute{\iota}\chi\eta$, как в Присяге IOSPE I² 401, но и $\omicron\iota$ $\pi\acute{\upsilon}\rho\upsilon\omicron\iota$ (одна из таких «башен» открыта О. Я. Савеля в 1980-е в урочище Таш-Куле [Тюрин, Филиппенко, 2022, с. 205]). Даже со скидкой на цветистость формулировок декретов римской эпохи, ясно, что и в ее начале полис находился в состоянии острого конфликта с варварским окружением, испытывал проблемы с водоснабжением и сильно нуждался в поддержке благодетелей. Это пока единственный документ, свидетельствующий о том, что переход на новую процедуру принятия решений был постепенным: изданный мною [Шелов-Коведяев 1982, с. 76–83] в 1982 г. декрет исходил еще от номофилаков (ср. [Шелов-Коведяев 2019, с. 327–328]).

ЛИТЕРАТУРА

- Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1975. 336 с.
 Блаватский В. Д. О херсонесском термине ΣΑΣΤΗΡ // СА. 1954. Вып. XIX. С. 231–238.
 Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура / под ред. Е. С. Голубцовой. М., 1990. С. 310–371.
 Виноградов Ю. Г. Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. № 3. С. 130–139.
 Зедгенидзе А. А. «Древний Херсонес» Страбона: храм на акрополе и ΣΑΣΤΗΡ // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции, Севастополь, 25–29 сентября 2022 г. / под ред. А. В. Зайкова. Симферополь, 2022. С. 57–61.
 Макаров И. А. Боспор, Фракия и Херсонес Таврический в первой четверти I в. н.э. // ВДИ. 2007. № 4. С. 62–69.
 Макаров И. А. Греческое письмо, найденное в Херсонесе Таврическом, и проблемы интерпретации термина ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE I². 401) // ВДИ. 2009. № 2. С. 49–60.
 Макаров И. А. Новая надпись из Херсонеса Таврического. // ВДИ. 2015. № 4 (295). С. 210–226.
 Русяева А. С., Русяева М. В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. 208 с.
 Русяева А. С. О присяге граждан Херсонеса Таврического и загадочном слове ΣΑΣΤΗΡ // БИ. 2010. Т. 23. С. 191–212.
 Тюрин М. И., Филиппенко А. А. К хронологии памятников района Сапун-горы эллинистического периода // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции, Севастополь, 25–29 сентября 2022 г. / под ред. А. В. Зайкова. Симферополь, 2022. С. 200–210.
 Шелов-Коведяев Ф. В. Новый декрет из Херсонеса // ВДИ. 1982. № 2. С. 76–83.
 Шелов-Коведяев Ф. В. De titulis Chersonesi Tauricae // ХСб. 2019. Т. 20. С. 322–333.
 Шелов-Коведяев Ф. В. De titulis Vosporianis et viciniis IV // ДБ. 2021. Т. 26. С. 411–431.
 Шелов-Коведяев Ф. В. Из античной эпиграфики Херсонеса // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года / под ред. А. В. Зайкова. Севастополь, 2021. С. 359–362.
 Шелов-Коведяев Ф. В. Мраморная чаша с надписью из Херсонеса // «От Кавказа до Дуная». Северное Причерноморье в античную эпоху: К 70-летию профессора С. Ю. Монахова / под ред. А. П. Медведева. Саратов, 2022. С. 462–466.
 Шелов-Коведяев Ф. В. Магические записи на чаше для жертвенной крови // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции, Севастополь, 25–29 сентября 2022 г. / под ред. А. В. Зайкова. Симферополь, 2022. С. 247–249.
 Σκιάς Α. Ν. Σαστήρ // Έφ. Αρχ. 1892 (1893). Σ. 256–257.
 Audollent Au. Defixionum tabellae. Paris, 1904. CXXVIII + 568 p.
 Bechtel Fr. Die griechischen Dialekte. Berlin, 1923. 2. Bd. VII + 951 S.
 Buck C. D. The Greek Dialects. Chicago, 1928. XIII + 384 P.
 Gavrillov A. K. Zur Deutung von ΣΑΣΤΗΡ in Eid der Chersonesiten // Hyperboreus. 1998. Vol. 4. F. 1. S. 61–72.
 Gager J. G. Curse Tablets and Binding Spells from the Ancient World. New York; Oxford, 1992. XV + 278 P.
 Guarducci M. Epigrafia greca. Roma, 1967. T. I. X + 589 p.
 Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1963. XX + 416 p., pl., tab.

- Kocevalov A. Beiträge zu den eiuinischen Inschriften // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 1948. H. 3. S. 162–174 (169–172).
- Lecouteux Cl. Dictionary of Ancient Magic Words and Spells: From Abraxas to Zoar. Rochester, Vermont; Toronto, 2015. XXXI + 418 p.
- Maier F. G. Griechische Mauerbauinschriften. 1. Teil: Texte und Kommentare. Heidelberg, 1959. 302 S., 76 Tafeln.
- Mayrhofer M. Kurzgefaßtes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1976. Bd. III. XXIII + 808 S.
- Meritt B. D., Trail J. S. Inscriptions: The Athenian Councilors. Princeton, 1974. 486 p. (Athenian Agora. Vol. XV).
- Perlman P. Crete // Hansen M. G., Nielsen Th. H. (eds.). An Inventory of Archaic and Classical *Poleis*. Oxford, 2004. P. 1144–1195.
- Robert L. Rez.: Maier Fr.G. Griechische Mauerbauinschriften. T. 1: Texte und Kommentare. Heidelberg, 1959. 301 S., 6 Zeichn., 35 Taf. T. 2: Untersuchungen. 129 S. 8 Taf. Heidelberg, 1961 // Gnomon. 1970. Bd. 42. H. 6. S. 579–603.
- Thumb A., Kiekers E. Handbuch der griechischen Dialekte. 1. Teil. 2. Aufl. Heidelberg, 1932. XVI + 321 S.
- Vasmer M. Skythen // RLV. Bd. 12. B., 1926. S. 230–251.

РЕЗЮМЕ

Работа продолжает серию заметок по античной эпиграфике Херсонеса. Заметка № 14 представляет фрагмент мраморной чаши для жертвенной крови, покрытый надписями и магическими знаками. № 15 дает реконструкцию фрагмента надписи, чествующей сыновей фракийского династа Котиса VIII за благодеяния, оказанные ими полису. № 16 приводит чтение делового письма критянина, адресованного некоему Тимосфену. № 17 критически оценивает подход И. А. Макарова к интерпретации термина ΣΑΣΤΗΡ. № 18 показывает значение источника о военных событиях и проблемах Херсонеса в начале римской эпохи.

Ключевые слова: надпись, граффито, шрифт, письмо, династ, полис, термин

F. V. Shelov-Kovedyaev

DE TITULIS CHERSONESI TAURICAE V

SUMMARY

The paper continues a series of notes on ancient epigraphy of Chersonesus Taurica. No. 14 presents a small fragment of marble bowl for the blood of sacrificed pigs, covered with inscriptions and magic symbols. No. 15 contains reconstruction of inscription honoring the sons of Thracian dynast Cotys VIII for the good deeds they rendered to the *polis*. No. 16 reads the business letter from a Cretan to certain Timosthenes. No. 17 criticizes I. A. Makarov's understanding of the term ΣΑΣΤΗΡ. No. 18 underlines the significance of the source providing information on the military and other problems of Chersonesus in the early Roman era.

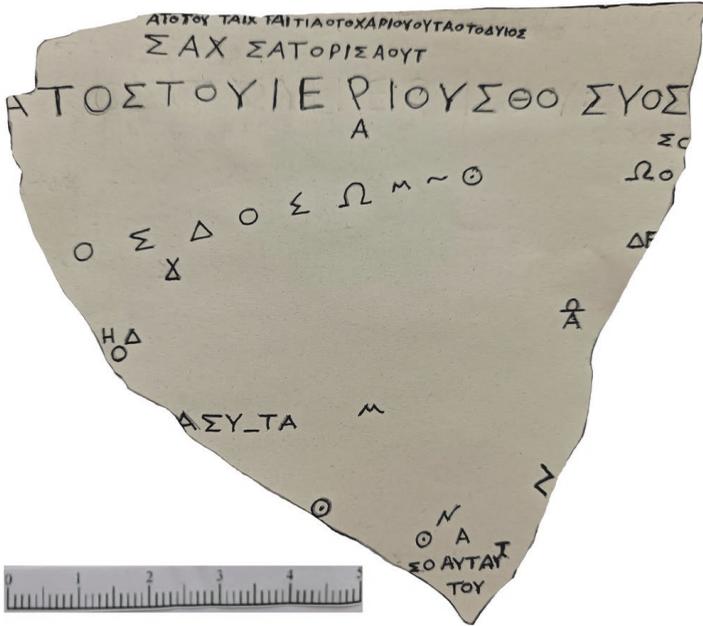
Keywords: inscription, graffito, script, writing, dynast, *polis*, term

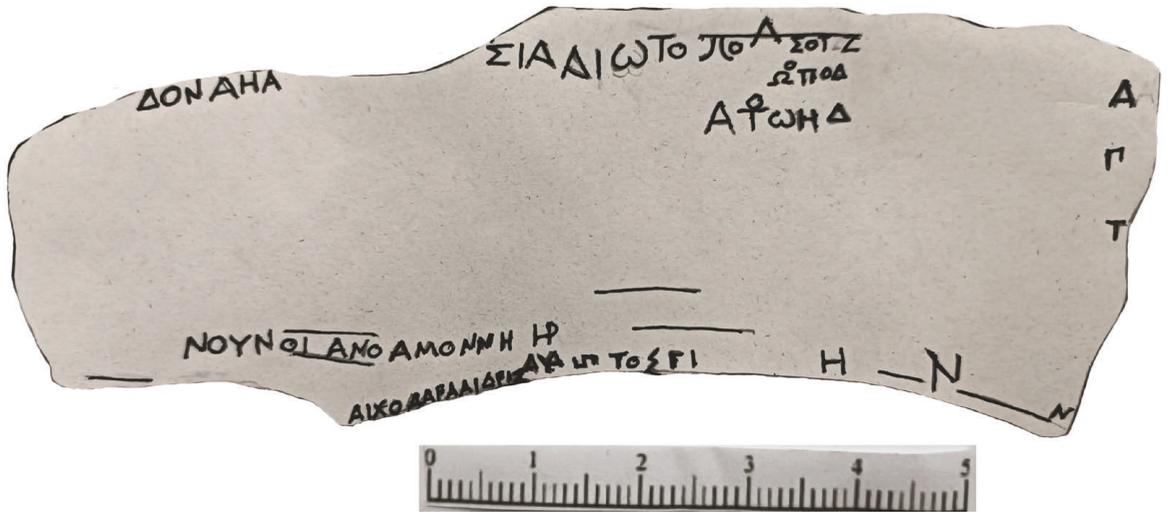
← Рис. 1. Вместителище чаши для жертвенной крови (фото К. В. Зыковой).

↓ Рис. 2. Бортик чаши для жертвенной крови (фото Н. В. Днепровского).

← Рис. 3. Вместилище чаши для жертвенной кров (прорисовка Ф. В. Шелова-Коведяева).

↓ Рис. 4. Бортик чаши для жертвенной крови (прорисовка Ф. В. Шелова-Коведяева).

Рис. 5. Фрагмент надписи в честь сыновей Котиса VIII (фото К. В. Зыковой).

Рис. 6. Письмо критянина из Херсонеса
(по: И. А. Макаров 2009).

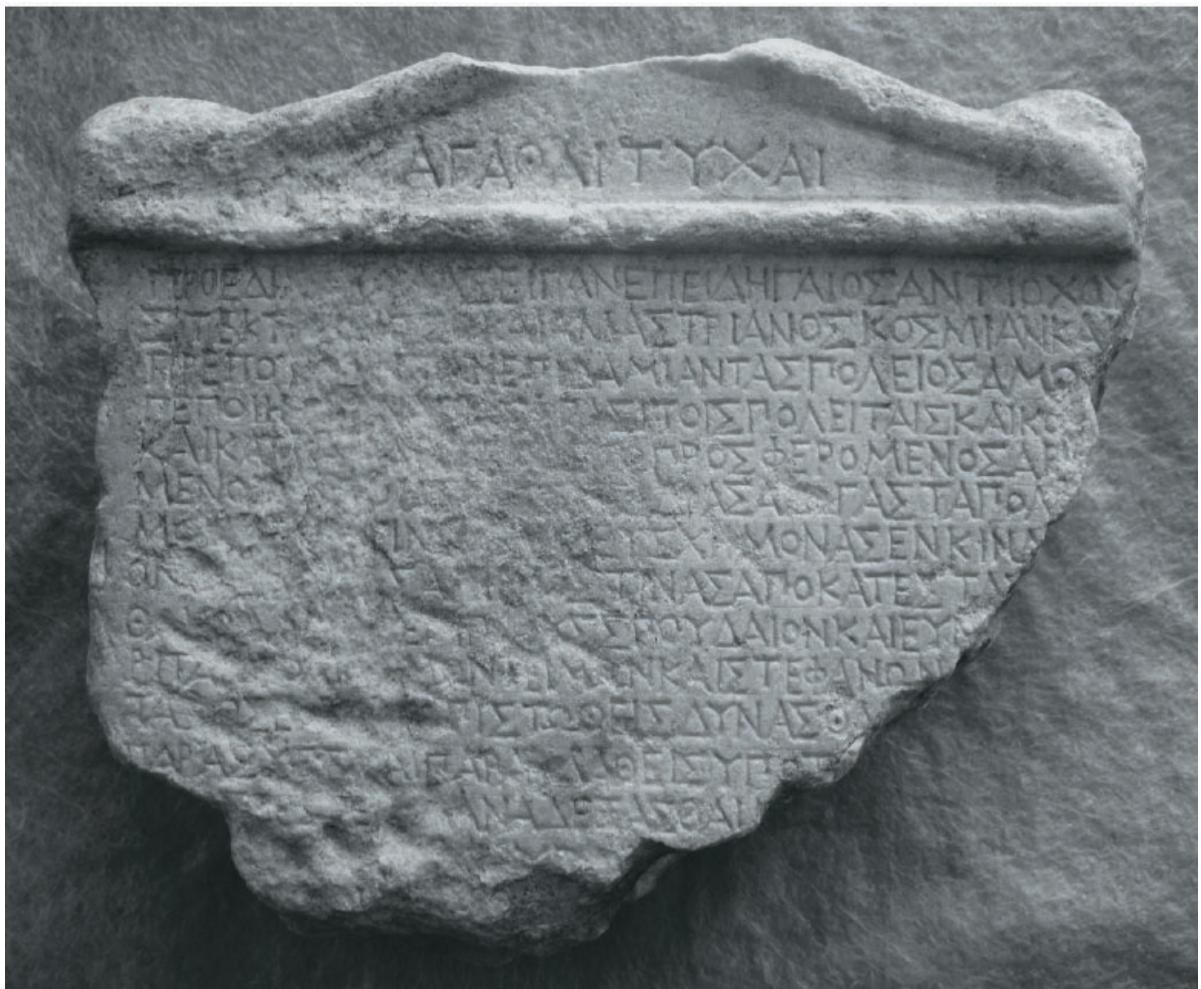

Рис. 7. Надпись в честь Гая Антиохова (по: И. А. Макаров 2015).